

Оправдание Сальери

Действующие лица:

Антонио Сальери, пожилой, больной человек.

Доктор Рерик.

Санитар Амадео Порше, молодой человек.

Людвиг ван Бетховен, человек средних лет, почти ничего не слышит, поэтому говорит очень громко.

Франц Шуберт, молодой человек в очках.

Вольфганг Амадей Моцарт, галлюцинация Сальери, молодой человек в камзоле и парике. Его должен играть тот же актёр, который играет санитаря.

Действия происходят в венской клинике для душевнобольных в 1824 году, в достаточно просторной и хорошо обставленной отдельной палате. В ней есть небольшое фортепиано или клавесин.

Явление 1

Сальери в халате сидит в одиночестве, смотрит в одну точку. Его пальцы бегают по столу, как будто он играет на фортепиано.

В палату входят доктор и санитар, тихо переговариваются между собой. Сальери не обращает на вошедших никакого внимания.

Доктор. Как господин Сальери сегодня?

Санитар. Всё то же, господин доктор.

Доктор. Опять ждёт Моцарта?

Санитар. Только о нём и говорит, господин доктор.

Доктор подходит к Сальери.

Доктор. Здравствуйте, господин Сальери!

Сальери резко поворачивается, вскакивает.

Сальери. А? Что? Моцарт, это ты?

Сальери вглядывается в лицо доктора, затем разочарованно садится на прежнее место.

Доктор. Господин Сальери, это же я, доктор Рерик.

Сальери (*безучастно*). Здравствуйте, господин Рерик. Хотите конфетку?

Сальери достаёт из кармана драже, протягивает доктору. Доктор подозрительно смотрит на конфеты, берёт одну, но не кладёт в рот. Сальери ест целую горсть, после чего доктор решается съесть одну.

Сальери. Не могу без сладкого. Привычка... Извините, я обознался, глаза уже не те, хотя уши, благодарение богу, ещё в полном порядке... Видите ли, ко мне сегодня должен прийти Моцарт, я приглашал его на ужин. Вот я и принял его за Вас.

Доктор. Господин Моцарт сегодня прийти не сможет.

Сальери. Почему? Он же мне обещал...

Доктор. Господин Моцарт давно умер.

Сальери вскакивает потрясённый.

Сальери. Умер?! Когда?!

Доктор. Тридцать три года назад.

Сальери падает в кресло, закрывает лицо руками.

Сальери. Да, умер... Ведь я же сам... его провожал тогда...

Доктор кладёт руку на спинку кресла.

Доктор. Господин Сальери, не нужно так переживать. Это случилось очень давно, и вы тут совершенно не при чём...

Сальери вскакивает.

Сальери (*кричит*). Не при чём? (*тихо*) Конечно, не при чём... (*доктору*) А Вы не знаете, от чего он умер?

Доктор (*пожимает плечами*). Откуда мне знать? Я же его не осматривал. Я тогда был слишком молод.

Сальери. И, всё же? Может, слышали от коллег?

Доктор. Говорили, что ревматическая лихорадка. А, впрочем, не знаю.

Сальери. Я видел его, мёртвого, на похоронах... Его, такого тщедушного, так страшно раздуло... Кто-то ещё сказал, что так бывает от какого-то яда.

Доктор. Ерунда! Водянка, вероятно...

Сальери. Да, конечно, водянка! Спасибо, сеньор доктор, Вы меня успокоили.

Доктор. Ну, что Вы, господин Сальери! К чему беспокоиться о том, что случилось больше тридцати лет назад!

Сальери. Больше тридцати... Столько и прожил Моцарт...

Доктор. Он, вероятно, не следил за своим здоровьем. Но мы-то с Вами проживём ещё немало...

Сальери. Я и так живу слишком долго.

Доктор. Жизнь – эта такая вещь, которой никогда не бывает слишком много.

Сальери. А смерть?

Доктор. Давайте лучше будем думать о жизни!

Сальери (*задумчиво*). Иногда смерть приходит слишком поздно... Если бы тогда ушёл я, а не он... В зените славы, когда был жив мой мальчик, моя жена, все девочки... Иногда я завидую его ранней смерти.

Доктор. Как можно, господин Сальери, побойтесь бога! Жизнь – это божий дар.

Сальери. От которого, к сожалению, нельзя отказаться...

Доктор отходит к санитару.

Доктор. Он безнадежен. Остаётся только надеяться, что господь будет милостив и призовет его, прекратив страдания.

Санитар. Господин доктор, если Вы позволите...

Доктор. Слушаю.

Санитар. Если бы к господину Сальери пришёл господин Моцарт...

Доктор. Вы тоже сошли с ума?

Санитар. Не настоящий, конечно... Господин Сальери теперь так плохо видит, что он не узнает подмену...

Доктор. Допустим. И что же?

Санитар. Если он скажет, что господин Сальери не виновен в его смерти, то...

Доктор. Ну, разумеется, не виновен!

Санитар. Это может его успокоить, и он...

Доктор. Оставьте ваши фантазии и занимайтесь своим делом.

Санитар. Слушаюсь, господин доктор.

Доктор. И не оставляйте кавалера Сальери одного. Кто знает, на что он может решиться в его состоянии.

Санитар. Слушаюсь, господин доктор.

Доктор выходит.

Явление 2

Сальери и санитар.

Сальери продолжает безучастно сидеть за столом, санитар прибирается в комнате, периодически с любопытством поглядывая на Сальери.

Внезапно Сальери замечает санитаря.

Сальери. Амадей?

Санитар. Амадео, сеньор. С Вашего позволения, это моё имя.

Сальери. Как же я тебя сразу не узнал, Моцарт! В этой одежде ты не похож на себя! Это всё мои глаза... Но слышу я так же хорошо, как и раньше.

Сальери вскакивает и идёт к санитару.

Санитар. С Вашего позволения, сеньор, моя фамилия Порше.

Сальери. Разве? Откуда она у тебя?

Санитар. Я с ней родился, сеньор Сальери.

Сальери. Это не важно, Моцарт. Не важно, какую фамилию ты носишь. Главное, ты жив!

Санитар. Сеньор Сальери. Прошу, простить, но моя фамилия Порше, и я совсем не музыкант, а санитар...

Сальери (*рассеянно*). Да, конечно, санитар...

Сальери достаёт из кармана драже, протягивает санитару. Санитар мнётся, затем осторожно берёт одно драже.

Сальери. Бери, не стесняйся!

Санитар. Спасибо, сеньор!

Санитар берёт ещё несколько конфеток, но не начинает их есть. Сальери отправляет целую горсть, после чего санитар осторожно пробует одну.

Сальери. Привычка! С тех пор, как я перестал испытывать нужду в деньгах, я ни разу не прошёл мимо кондитерской лавки, чтобы не заглянуть туда и не уйти с полными карманами конфет. Мой мальчик и девочки, когда я приходил домой, сразу лезли ко мне в карманы и...

Сальери мрачнеет, на глазах у него появляются слёзы.

Санитар. Вы... потеряли их?

Сальери. Благодарение богу, не всех... Но теперь мне некого угощать, кроме тебя и доктора, который воображает, что я хочу то ли отравить его, то ли отравиться сам.

Санитар отправляет в рот несколько драже.

Санитар. Сеньор, можно взять ещё немного? Мне, к несчастью, обычно приходится проходить мимо кондитерских лавок.

Сальери. Конечно, сколько угодно...

Сальери достаёт из кармана драже, санитар берёт целую горсть. Сальери подносит остатки драже ко рту и замирает.

Сальери. Моцарт тоже любил сладкое. Помню, как я угощал его во время последней встречи. Ему тогда так понравились эти конфеты, что он съел почти все. А потом кто-то решил...

Сальери роняет драже, закрывает лицо руками. Санитар собирает рассыпавшиеся конфетки.

Сальери. Как ты сказал, тебя зовут, Амадео?

Санитар. Да, сеньор.

Сальери. Ты итальянец?

Санитар. Да, сеньор.

Сальери. Так ты не музыкант?

Санитар. Нет, сеньор.

Сальери. Все итальянцы немного музыканты.

Санитар. Только не я.

Сальери. Не скромничай, у тебя красивый, мелодичный голос.

Санитар. Признаюсь, я немного пою...

Сальери. Спой.

Санитар. Я не смею... В Вашем присутствии...

Сальери. Не стесняйся!

Санитар мнётся, прокашливается, начинает петь итальянскую народную песню. Сальери внимательно слушает, плачет. Санитар прерывает пение.

Санитар. Сеньор Сальери, Вам плохо?

Сальери. Продолжай, продолжай, мой милый! Эту песню пела мне мама... Она рано умерла, я уже не могу вспомнить её лицо, но эту песню я прекрасно помню...

Санитар. Моя покойная матушка тоже её пела...

Санитар продолжает петь со слезами на глазах. Песня кончается.

Сальери. У тебя талант, мой милый! Его нужно развивать... Знаешь, что? Я стану давать тебе уроки. Ты ещё будешь петь в Венской опере!

Санитар. Что Вы, сеньор! Я простой, бедный человек! Уроки у такого прославленного маэстро...

Сальери (*перебивает, гордо*). Антонио Сальери никогда не брал денег с талантливых учеников! Ни крейцера! Когда покойный маэстро Гассман взял меня, итальянского сироту, на обучение, я поклялся себе, что всегда буду поступать так же!

Санитар. Я слышал, сеньор, Вы потом взяли на себя заботу о его детях... Это очень великодушно, сеньор...

Сальери. Это самое малое, что я мог сделать для покойного учителя... Ну, спой же ещё.

Санитар начинает петь арию из «Тарара» Сальери, но не справляется, сбивается.

Сальери. Над твоим голосом ещё надо работать и работать. Ты взял чересчур сложную тему. К тому же я её слишком хорошо знаю, свою музыку слушать неинтересно. Спой из кого-нибудь другого.

Санитар начинает петь песню Папагено из «Волшебной флейты» Моцарта. Сальери слушает несколько секунд, потом стучит ладонью по столу.

Сальери. Довольно!

Санитар. Как скажете, сеньор! Вам не понравилось моё пение?

Сальери. Нет, ты пел хорошо. Просто вспомнил... В тот вечер Моцарт позвал меня на «Волшебную флейту». У меня было предубеждение против оперы на немецком, но когда я её услышал, то кричал «Браво!»... В тот вечер мне казалось, что мы расстались друзьями...

Санитар. А правду говорят, что Моцарт пел эту песенку перед кончиной?

Сальери. Не знаю, что он тогда пел. Возможно, и её. Моцарт всегда был легкомысленным, быть может, даже на смертном одре...

Санитар. Понимаю, сеньор. Вам неприятна эта музыка.

Сальери. Не в том дело! Ты итальянец, и должен понимать, как мало немецкий язык подходит для пения. Даже Моцарт писал оперы на итальянском, и, если бы он чувствовал наш прекрасный язык, они бы имели больший успех! А сколько раз я говорил Шуберту, что не нужно писать песни на немецкие стихи. И что же, ты думаешь, сделал этот чудак? Посвятил мне цикл песен на слова Гёте! Как будто мало хороших итальянских поэтов!

Санитар. Оригинальный подарок, сеньор!

Сальери. А Бетховен? Как долго я пытался научить его итальянской лёгкости! Но этот упрямец потом с трудом сам осваивал то, что легко узнал бы от меня, будь он чуть более доверчивым и послушным. У него, правда, хватило такта посвятить мне не песни, а сонаты. В инструментальной музыке, надо признаться, он превзошёл учителя, но в вокале... Этот ужасный для пения немецкий язык... Я так и не смог выучить его до конца, хотя и прожил в Вене больше полувека. Надо мной всегда посмеивались, что я говорю на своём собственном наречии: смеси итальянского, немецкого и французского.

Санитар. Господин Бетховен и господин Шуберт, всё-таки, немцы...

Сальери. Да, как и Моцарт... А мы – итальянцы! Ты должен понимать, что в Вене мы, итальянцы, должны держаться вместе. Покойный император хотел заменить итальянскую оперу немецкой, и что из этого вышло? Моцарт и другие пытались нас обойти, и что же? Всё вернулось на круги своя.

Санитар. Сеньор Сальери, признайтесь...

Сальери (*перебивает*). Что, признаться?! (*тихо*) Я признаюсь... признаюсь (*повышает голос*) Я могу признаться во всём, но Моцарта я не убивал! Слышите? Моцарта я не убивал!.. Кругом сплошная злоба, зависть... Кто придумал эту нелепость?

Санитар. Конечно, не убивали, господин Сальери! Вам нужно успокоиться. Пожалуйста, выпейте воды...

Санитар наливает бокал воды, протягивает его Сальери. Сальери смотрит на бокал.

Сальери. Забавно, я итальянец, но никогда не любил вино. Всегда предпочитал простую воду. А вот Моцарт толк в вине знал, иногда даже слишком... И мой учитель Глюк. Представляешь, он даже умер, выпив слишком много вина, которое ему запрещали врачи. Моцарт тоже слишком много пил. Если бы он вёл более умеренную жизнь, дожил бы до моих лет... (*после паузы*) Стал бы старой развалиной, пережил жену, детей...

Сальери подносит бокал ко рту, потом подозрительно смотрит на санитаря, протягивает бокал ему.

Сальери. Выпей.

Санитар. Господин Сальери, это Ваш бокал, я не смею...

Сальери. Пей! (*хитро*) Или ты боишься?

Санитар. Если Вы настаиваете... Ваше здоровье.

Санитар отпивает из бокала. Сальери берёт бокал, допивает воду.

Сальери. Кругом завистники. Следует быть осторожным... Знаешь, как мне завидовали другие композиторы?

Санитар. У них были все основания для зависти к такому прославленному маэстро.

Сальери. Они не остановятся ни перед чем, сделают всё, чтобы отравить мне жизнь...

Санитар. Вам нужно прилечь. Позвольте, я Вас провожу...

Сальери. Не нужно! Я жду одного гостя, к ужину... А ты можешь идти.

Санитар. Как скажете, сеньор Сальери.

Санитар тихо выходит из комнаты. Сальери вновь начинает барабанить пальцами по столу.

Явление 3

Сальери один, «играет» пальцами на столе. Тихо звучит известная музыка Моцарта. Сальери прекращает барабанить пальцами.

Сальери. Опять Моцарт! Почему ты меня не отпускаешь? Почему мне больше не приходит на ум моя музыка?

Из-за двери слышны голоса санитара, Бетховена и Шуберта.

Голос Бетховена. Меня интересует здоровье учителя!

Голос Санитара. Всё по-прежнему, господин Бетховен. Вот только он всё время вспоминает покойного господина Моцарта, и это не даёт ему покоя.

Голос Бетховена. Не слышу. Что он говорит?

Голос Шуберта (*громко*). Он вспоминает Моцарта.

Голос Бетховена. Моцарт? Я не спрашивал о Моцарте! Меня интересует только здоровье моего учителя!

Сальери прислушивается.

Сальери. Моцарт?

Бетховен, Шуберт и санитар входят в палату. Сальери встаёт им навстречу, внимательно вглядывается в лица, останавливается на Бетховене.

Сальери (*неуверенно*). Вольфганг?

Бетховен. Что он говорит?

Бетховен достаёт разговорную тетрадь, швыряет на стол.

Бетховен (*санитару*). Записывай!

Санитар (*растерянно*). Что записывать?

Шуберт (*санитару*). Записывайте, о чём мы говорим, чтобы господин Бетховен смог принять участие в разговоре.

Санитар подходит к столу, берёт карандаш, в продолжение всего разговора записывает. Бетховен периодически заглядывает в его записи.

Шуберт (*Сальери*). Это Ваши ученики, Бетховен и Шуберт.

Сальери. Да, конечно, ученики... Хотите конфет?

Сальери достаёт из кармана конфеты, протягивает Бетховену и Шуберту. Шуберт берёт одну, Бетховен отправляет в рот целую горсть.

Сальери. Вы всегда любили сладости. (*Шуберту*) Особенно, ты, Франц. Помню, как ко мне привели пухленького, десятилетнего мальчика, такого застенчивого, что я смог завоевать его расположение только с помощью этих конфет.

Шуберт (*смущённо*). Помню, учитель. Я тогда страшно боялся идти к Вам, такому знаменитому.

Сальери. Разве я для кого-нибудь когда-нибудь был страшен? Я иногда бывал смешон, но страшен – никогда. (*Бетховену*). Но ты-то, Людвиг, никогда никого не боялся! Помнишь, как ты со мной спорил.

Бетховен. Теперь я признаю, что во многом Вы были правы.

Сальери (*с улыбкой*). Но, конечно, не во всём. Помнится, Альбрехтсбергер говорил мне, что ты, Людвиг, никогда ничему не научишься, а я возражал. Я говорил, что к такому упрямцу нужен особый подход, нужно не давать указания, а действовать хитрее...

Бетховен. И Вам это удалось, учитель!

Сальери. Это как горькое лекарство, которое прячут внутри сладкой конфетки. (*Сальери достаёт конфеты*) Говорят, на моей родине, в Италии, так частенько прятали и яд! Представляете? Яд!.. В сладких конфетках! (*смеётся, резко обрывается, смотрит на конфеты*) Яд...

Все замирают, смотрят на конфеты Сальери.

Сальери (*тихо*). Хотел бы я, чтобы яд оказался в одной из них...

Сальери отправляет конфеты в рот.

Шуберт. Не говорите так, учитель, Вы очень нужны всем любителям музыки, особенно Вашим ученикам!

Сальери. Да, конечно, ученикам... Как же я забыл, что у нас сегодня занятия!

Бетховен. Мы пришли не заниматься, а справиться о Вашем здоровье! Наши занятия окончились много лет назад.

Сальери. Разве?.. Ах, да!..

Шуберт. Но я хотел показать Вам одно сочинение...

Шуберт садиться за фортепиано и начинает наигрывать и петь отрывки из своей кантаты, посвящённой Сальери.

Шуберт. Лучший, добрейший!

Славный, мудрейший...

Ты в ангелы нам дан судьбой,

Тревожу бога я мольбой,

Чтобы жил на свете сотни лет

На радость всем наш общий дед!

Во время исполнения Сальери растроган, но после последних строчек вскакивает, громко прерывает.

Сальери. Не нужно!

Шуберт встаёт из-за фортепиано.

Шуберт. Учитель, Вам не понравилась музыка?

Сальери. Музыка превосходна. Не нужно, чтобы я жил сотни лет. Мне слишком много и моих семидесяти четырёх! Я устал...

Санитар. Сеньор Сальери утомился...

Сальери. Нет-нет! Я никогда не устаю от учеников! Я просто устал жить... *(Бетховену)* Людвиг, а как твои дела?

Бетховен. Я завершил новую симфонию. С большим хором в конце.

Сальери *(с улыбкой)*. Опять на немецком? О, я знаю, вас, упрямец, не переубедить!

Бетховен. Жаль только, что я теперь глух, как пробка, и сам её не услышу.

Сальери. Печально... Мне повезло больше: я почти ничего не вижу, но слух, благодарение богу, сохранил.

Бетховен. Хотел бы я с Вами поменяться, учитель!

Сальери. А я этого не пожелал бы никому... *(после паузы, Шуберту и Бетховену)* А вы не встретили Моцарта? Он обещал зайти...

Шуберт и Бетховен в смущении.

Бетховен. Моцарт давно умер!

Сальери. Умер?... Ах, да... А я хотел порекомендовать Вам взять у него несколько уроков. У него тоже есть, чему поучиться. К тому же у бедняги так мало учеников...

Бетховен. Не думаю, что после Вашего обучения мы можем научиться чему-то ещё у кого-то другого!

Шуберт. Нам не нужно другого учителя, кроме Вас.

Санитар настойчиво делает Бетховену и Шуберту знаки, что пора уходить. Бетховен забирает свою разговорную тетрадь.

Бетховен. До свидания, учитель! Надеюсь, я увижу Вас в зале, когда будут играть мою новую симфонию.

Шуберт. А я ещё исполню для Вас свои новые песни.

Сальери *(с улыбкой)*. Надеюсь, не на немецком?... Прощайте, друзья мои!..

Бетховен и Шуберт направляются к дверям.

Сальери. Да, чуть не забыл, если встретите Моцарта, передайте, что я его жду!

Бетховен. Что он говорит?

Шуберт делает знак, что нужно уходить, уводит Бетховена. Сальери снова садится к столу, начинает барабанить пальцами. Снова звучит тихая музыка Моцарта.

Сальери. Моцарт! Почему ты меня не отпускаешь?!

Санитар *(в сторону)*. Не могу больше смотреть, как такой добрый человек так мучается! Что бы ни говорил господин доктор, а я попробую. Мой брат сможет достать камзол и парик... *(останавливается)* Правда, господин доктор говорил, что сеньора нельзя оставлять одного... Но это же ненадолго!

Санитар выходит.

Явление 4

Сальери один.

Сальери подходит к двери, прислушивается, затем возвращается и достаёт припрятанную бритву, раскрывает её, пробует лезвие, долго смотрит на неё.

Сальери. Они следят за мной, боятся, что я где-то припрятал яд, и приму его. Думают, я прячу его в конфетах... Глупцы! Им следовало бы следить за рассеянным цирюльником! Антонио Сальери впервые в жизни преступил закон, украл старую бритву! Надеюсь, мне это простится... А вот то, что я собираюсь сделать, едва ли...

Сальери несколько раз задумчиво раскрывает и закрывает бритву.

Сальери. Как счастливы были древние, Катон и Сенека, ведь они могли в любой момент прекратить свои страдания! И как горька судьба настоящего христианина, который вынужден смиренно ждать смерти, моля о её приближении! О, господи, неужели ты не простишь мне моей слабости!

Сальери подносит бритву к горлу, затем отдаляет её.

Сальери. Я терпел, когда терял близких, терпел, когда болезни разъедали моё тело и душу, но как терпеть, когда замарано моё доброе имя, когда меня обвиняют в том, что я не совершал!... *(испуганно)* Или, всё-таки, я это сделал? О, Моцарт! Хоть бы ты разрешил мои сомнения!

Явление 5

Звучит одна из популярных, лёгких мелодий Моцарта. Сальери поспешно закрывает и прячет бритву, беспокойно оглядывается по сторонам. В комнате появляется Моцарт. Сальери приглядывается к нему.

Сальери. Амадео?

Моцарт. Можно сказать и так, Антонио. Хотя мне всегда больше нравилось Вольфганг.

Сальери. Но ты же Амадео Порше, санитар. Или у тебя есть второе имя?

Моцарт. Нет, Антонио. Я Амадей Моцарт, композитор.

Сальери *(устало)*. Моцарт давно умер. Я сам был на его похоронах.

Моцарт. И, тем не менее, я здесь! Ведь ты так ждал меня!

Сальери вскакивает, неверными шагами идёт к Моцарту. Когда Сальери подходит близко, Моцарт останавливает его жестом.

Моцарт. Не надо, Антонио! Ты всё равно не сможешь ко мне прикоснуться, а я могу исчезнуть...

Сальери останавливается.

Сальери. Да, конечно.

Сальери идёт к столу.

Сальери. Выпей вина! Ты всегда его любил.

Моцарт. Не могу.

Сальери. Не бойся, оно не отравлено! Я выпью вместе с тобой!

Сальери тянется к графину.

Сальери *(с досадой)*. У меня только вода... Но я сейчас кликну санитаров. Тебя надо с ним познакомиться, он очень талантливый юноша...

Моцарт. Не нужно, Антонио! Там, где я теперь, мы не нуждаемся ни в воде, ни в вине. А если твой юноша войдёт, я могу исчезнуть и больше не вернуться...

Сальери. Да, конечно...

Сальери достаёт из кармана драже, протягивает Моцарту, потом спохватывается и съедает сам.

Моцарт. Жаль, что я не могу принять угощение. Их вкус я помню с последней нашей встречи.

Сальери. Они ведь и вправду тогда понравились тебе? В них ведь не было никакого... привкуса?

Моцарт. Ничего, кроме сладости.

Сальери внимательно смотрит на Моцарта, ходит вокруг, не решаясь заговорить.

Сальери. Послушай, Моцарт! Меня мучает один вопрос, на который сможешь ответить только ты.

Моцарт. Кажется, я знаю, о чём ты хочешь спросить... Но, спрашивай!

Сальери. Моцарт, скажи... Ведь я тебя... не отравил?

Моцарт. Конечно, нет, Сальери. С моим здоровьем этого и не требовалось.

Сальери. Слава богу! Но откуда пошёл этот нелепый слух?

Моцарт *(после паузы)*. Я сам его пустил, прости...

Сальери. Ты?!

Моцарт. Когда мне стало совсем худо, я решил, что меня отравили.

Сальери. Но, почему?

Моцарт. Я всегда был мнителен. Это привил мне отец, а я вслед за ним решил, что итальянцы вечно строят против меня козни, завидуют, хотят сжить со света...

Сальери. Но почему из всех итальянских музыкантов ты выбрал именно меня?

Моцарт. Да потому, что я был действительно отравлен!

Сальери. Всё-таки отравлен?!

Моцарт. Только не ядом, а завистью к тебе!

Сальери. Ты?! Ко мне?! Но почему? Я же никогда не был так талантлив, как ты!

Моцарт. При чём здесь талант!

Сальери. А что же ещё? Когда я услышал твою «Волшебную флейту», то понял, что такого мне не написать никогда, хотя она и на немецком языке. Я бы тогда с радостью отдал всё, что имею, чтобы хоть раз сочинить что-то подобное!

Моцарт. Зато я бы отдал весь свой гений, чтобы иметь твой успех, твоё положение! Я давно понял, что, пока жив, никогда не получу и половины твоей славы, твоих почестей, твоих должностей, твоих денег, наконец!

Сальери. Но если бы ты прожил подольше...

Моцарт *(перебивает)*. Всё бы осталось по-прежнему! Для императора был только один композитор – Сальери! А потом уже все остальные. Объясни мне хотя бы сейчас: что в твоей музыке такого, чего нет в моей?

Сальери *(качает головой)*. Не знаю.

Моцарт. И ты будешь утверждать, что все эти почести только из-за твоей музыки?

Сальери. Не только. Но я всегда умел написать то, что хотят услышать. А помнишь, что сказал император про твою музыку?

Моцарт (*задумчиво*). «Слишком хорошо для моих венцев»... А ещё – «слишком много нот»...

Сальери. Вот-вот. У тебя всё было слишком. А я старался ни в чём не переступить меры. И у меня это получалось.

Моцарт. Значит, ты прожил скучную жизнь.

Сальери. До последнего времени мне так не казалось. Я жил только музыкой и своей семьёй. Я постоянно работал и никогда, слышишь, ни разу не сорвал сроков. А вспомни свои бесконечные отсрочки. Кому должны были давать заказы, мне или тебе?

Моцарт. Это всё болезни! Ты же знаешь, какое у меня было здоровье...

Сальери. Знаю. И про твой образ жизни при таком здоровье тоже знаю.

Моцарт. Ты вечно ко всем подлаживался!

Сальери. Я умел понравиться и в беседе, был остроумен, но не злоречив, не наживал врагов, никому не давал обидных прозвищ. Как ты меня называл за глаза, господин Бонбоньери? Я люблю хорошую шутку, но, признаюсь, эта мне пришлась не по нраву.

Моцарт. И ты стал мстить?

Сальери. До этого я не унизился, но, согласишься, после этого трудно было рассчитывать на добрые чувства с моей стороны. А, вот, другие могли быть не столь терпимы...

Моцарт. Я знаю, что ты плохо отзывался обо мне императору.

Сальери. Мне действительно не понравился твой «Дон Жуан». Я сказал, помнится, что автор не представляет, что такое настоящая страсть мужчины к женщине.

Моцарт. Ты даже до этого дошёл?! Да, знаешь ли, что я знал женщин больше, чем ты музыкальных инструментов!

Сальери. Кто же этого не знает! Ты всегда предпочитал заниматься с красивыми и не самыми скромными ученицами.

Моцарт. Тебе этого не понять! Ты же все свободные вечера проводил с женой.

Сальери. Потому что я её любил. Как и своих детей...

Моцарт. Я тоже любил Констанцу, как и она меня.

Сальери. Настолько, что не пришла на твои похороны?

Моцарт. Это неважно! Она любила меня живого!

Сальери усмехается, Моцарт опускает голову.

Сальери. Ты здорово испортил свою репутацию этими уроками и другими выходками. И после этого надеялся давать уроки принцессе?

Моцарт. Ты не представляешь, в каком я был отчаянии, когда их получил ты, а не я!

Сальери. Надо признаться, Её высочество не отличалась большой музыкальностью. Я предпочёл бы тратить время на более талантливых учеников.

Моцарт. Конечно! Ты всегда выбирал лучших! Ведь ты мог себе позволить не брать с них денег!

Сальери. Да. Многие композиторы могут себе это позволить, но не многие позволяют... Кстати, в их числе был твой сын. Уже после твоей смерти его привела ко мне Констанца. Я не смог ей отказать, хотя, положив руку на сердце, ему далеко не только до твоего, но и до моего дарования.

Моцарт. Спасибо, конечно. Но лучше бы он научился более надёжному ремеслу. В музыкальном мире добиться успеха может только такой интриган, как ты!

Сальери. Я, интриган? А чем же тогда занимался ты со своим отцом, когда вы из кожи вон лезли, чтобы ты получил моё место?

Моцарт. Это всё отец... Он говорил, что без этого нельзя! Что все музыкальные должности в Вене захватили эти итальянцы!

Сальери (*насмешливо*). Это кто же? Глюк? Гассман?

Моцарт (*сердито*). Сальери!

Сальери. Не забывай, что я победил тебя и в честном состязании. Помнишь тот вечер, в саду? На одном его конце давали мою оперу, а на другом – твою. И куда перешла почти вся публика?

Моцарт. Это позор всей моей жизни! А всё дело в том, что твоё либретто было значительно лучше. И, потом, все пошли за императором, как овцы!

Сальери. Полноте! Сюжеты были почти одинаковые... И, между нами, одинаково глупые. Однако публика пошла ко мне.

Моцарт. Ну, хорошо, ты выиграл, и что дальше?

Сальери. Дальше?... Дальше?... Дальше...

Сальери в волнении ходит по комнате, потом останавливается.

Сальери (*потерянно*). Дальше ничего. Дальше выиграл ты. И, похоже, уже навсегда...

Сальери закрывает лицо руками.

Сальери. Скажи мне, Моцарт, что в твоей музыке есть такого, чего не было бы в моей?

Моцарт. Я и сам не знаю. Никогда об этом не задумывался. Просто, писал, как пишется. Но иногда на меня что-то находило, и... я не осознавал, что пишу, будто мне кто-то диктовал сверху.

Сальери. Мне никогда никто ничего не диктовал... Но я любил ходить по Вене, вслушиваться в её шум, голоса... А потом я что-то в этом улавливал, приходил домой, записывал, развивал...

Моцарт. Знаешь, если не брать то, что мне было надиктовано, в нашей музыке больше общего. Сравни сам.

Моцарт садится к фортепиано. Звучат несколько коротких отрывков из сочинений Моцарта и Сальери.

Сальери. Когда ты это написал?

Моцарт. Ты забыл? Это же твоя мелодия!

Сальери. Действительно, я её совсем забыл, столько лет прошло... Но эта-та твоя?

Моцарт. Моя... А, может, наоборот? Или её вообще написал Гайдн?

Сальери. А, теперь, опять моя.

Моцарт. Кто, не зная заранее, скажет, где тут Моцарт, а где – Сальери?

Сальери. Никто... Но, если объявить автора заранее, все будут кричать что твоя музыка – гениальна, а моя – ремесленная поделка!

Моцарт встаёт из-за фортепиано.

Моцарт. Что поделать: я стал легендой!

Сальери. К несчастью, я тоже...

Моцарт. Наверное, мне очень помог слух об отравлении. И мой Реквием, конечно. Знаешь, чёрный человек, Реквием для себя – всё это производит впечатление.

Сальери. А ведь я тоже написал Реквием для себя.

Моцарт. Когда? Сейчас?

Сальери. Уже лет двадцать назад. Незадолго до этого я потерял моего единственного мальчика, жена этого не перенесла, оставшиеся в живых дочери выросли, вышли замуж, а я... я решил написать себе погребальную песнь. Не такую грандиозную, как твою, в маленький реквием для маленького человека... Но, к сожалению, не умер...

Моцарт. Хотелось бы послушать.

Сальери. Скоро его можно будет услышать на моих похоронах, я распорядился.

Сальери садится за фортепиано. Звучит фрагмент из «Реквиема» Сальери.

Моцарт. Я отдать такое распоряжение про свой, увы, не мог...

Сальери. Но с тех пор я как будто действительно умер. Я бросил писать оперы, концерты – только церковная музыка и уроки... Я бы и вовсе прекратил всё остальное, но в отставку меня не отпускали. Так что я продолжал ставить чужие оперы и дирижировать чужой музыкой... Император меня отпустил на пенсию только недавно, когда я стал совсем плох. И, кстати, сохранил всё содержание. Мне оно уже ни к чему, какие у меня тут расходы, кроме конфет (*Сальери достаёт из кармана и кладёт в рот несколько конфет*), а вот дочкам потом пригодится.

Моцарт. Моим сыновьям оно тогда тоже бы пригодилось. Я не оставил им ничего, кроме долгов.

Сальери. И своего имени.

Моцарт. Сомнительное наследство!

Сальери. Помнишь, как я каждый год организовывал концерты в помощь бедным музыкантам, их вдовам и сиротам? Чтобы их детям доставалось что-то, кроме имени. Сейчас мне, порой, кажется, что этим я послужил музыке больше, чем своими сочинениями...

Моцарт. Ещё бы не помнить! Я и сам иногда на них играл, хотя у самого, порой, за душой не было ни крейцера.

Сальери. При скромной жизни тебе бы хватало. Вы с Констанцей никогда не умели вести хозяйство, откладывая на будущее...

Моцарт. Опять ты про умеренность! Пойми: если бы я так жил, то стал бы таким, как ты!

Сальери. А это так страшно?

Моцарт. Для меня – да.

Сальери (*задумчиво*). Я всё думаю: а если бы тогда умер я, а не ты. Стал бы я легендой? Стал бы ты таким, как я?

Моцарт. Не знаю... Но сейчас я с тобой поменяться точно не хотел бы...

Сальери. Знаешь, мне не даёт покой ещё одна мысль: если бы к моему трудолюбию, характеру, любви к искусству добавить капельку твоего гения, какой бы получился идеальный композитор!

Моцарт. Наверное, это было бы слишком скучно. Идеал тем и хорош, что он – недостижим (*прислушивается*) Мне пора. Сюда идут...

Сальери. Постой, Вольфганг, подожди! Скажи им... скажи всем, что я – невиновен! Я не могу больше слышать эти голоса, перешёптывания за спиной! Они думают, что старик этого не слышит, но мой слух такой же острый, как в юности... Скажи им, Моцарт!

Моцарт. Не могу, Антонио. Они меня не увидят и не услышат.

Сальери. Но, почему?

Моцарт. Я приходил только к тебе. Ведь из всех моих друзей и знакомых только ты постоянно думал обо мне, звал меня... Даже чаще Констанцы и сыновей... А теперь – мне пора, я и так здесь задержался. Прощай! Мы скоро увидимся. Теперь я буду ждать тебя в гости...

Моцарт исчезает.

Сальери (*кричит*). Моцарт, подожди! Они же ничего не узнают, продолжают обвинять меня! Моцарт! (*шепчет*) Моцарт...

Сальери прислушивается. Тихо, а затем всё громче начинает звучать «Реквием» Моцарта, в конце звучит очень громко. Сальери зажимает уши.

Сальери (*кричит*). Не надо! Хватит!

Сальери достаёт бритву. Музыка резко смолкает.

Сальери. Ты меня убиваешь, Моцарт!

Сальери хватается бритву, раскрывает её и перерезает себе горло, падает. Звучит фрагмент «Реквиема» Сальери.

Явление 6

Входит загримированный под Моцарта санитар (в другой одежде, чем Моцарт).

Санитар. Вот я и пришёл, Антонио! Ты меня узнаешь? Это я, Вольфганг!

Санитар замирает в дверях, потом бросается к Сальери, пытается остановить кровь.

Санитар. Сеньор Сальери! Сейчас я Вам помогу! Я позову доктора Рерика!

Сальери. Не нужно, Амадео! Теперь Антонио Сальери может спокойно умереть, он оправдан.

Занавес.